

Брестская церковная уния (1596 г.) как кризисный фактор в истории формирования белорусской культуры

Автором подвергается сомнению верифицируемость весьма распространенной в белорусской гуманитаристике идеи, согласно которой униатство, определяемое как «национальная религия белорусов», было той плодотворной средой, в которой сохранялись и развивались местные самобытные культурные традиции, формируя национальную белорусскую культуру. Приводимые и анализируемые в статье факты представляют, напротив, картину поступательного разрушения русинской культуры Речи Посполитой именно и прежде всего в униатской среде, что привело в итоге к смене культуротворческой парадигмы и расколу некогда единой этнокультурной общности русов.

В белорусской научной, а еще более – в учебной и популярно-просветительской литературе сейчас весьма распространено представление о том, что национальная культура белорусов сохранялась прежде всего, если не исключительно, в униатской среде (С.В. Морозова, Г.М. Саганович, И.В. Саверченко, С.Сильвестрова и др.). При этом униатство часто представляется как «национальная религия белорусов» и соответственно – один из важнейших (если не главный) фактор белорусского этно- и культурогенеза в XVII–XVIII вв. Однако, при том, что невозможно и неверно отрицать действительно решающую роль униатства в формировании белорусской нации, нужно, как видится, правильно расставить акценты и адекватно определить характер и, так сказать, сверхзадачу этой роли – заключалась ли она, в самом деле, в сохранении культурных традиций «руси» или оказывала какое-то иное воздействие на этногенетические и культуротворческие процессы.

Оставляя в стороне чрезвычайно сложные для обсуждения без специальной на то подготовки богословские (церковно-канонический и экклезиологический) аспекты церковной унии 1596 г., обратимся к собственно культурологическому.

Прежде всего, необходимо осознать и исправить, скажем так, аберрацию адекватности: размышления о культурогенезе, какими бы верными они ни были, в современных категориях не могут адекватно отражать культурную ситуацию конца XVII–XVIII вв. В частности, мы не можем говорить о сохранении *национальной* культуры в униатский период просто потому, что само представление о *национальном* своеобразии (в современном смысле этого понятия), как и собственно нация возникло позднее. В означенный же период самоидентификация этнокультурных общностей Речи Посполитой, которую мы сейчас характеризуем как национальную, проводилась преимущественно по конфессиональному признаку и самоидентификационная картина «государства двух народов» существенно отличалась от той, какой она могла бы быть, если бы формировалась на основе действительно критерия национальности. В Речи Посполитой этого периода «национальные культуры» нынешних белорусов и

украинцев еще только оформлялись. Но существовала культура «руси», «русинов», «русского народа», до известного времени объединявшая всех (независимо от этнической принадлежности) православных, которые проживали на литовских, польских, белорусских и украинских землях, в единую культурную общность, идентифицируемую по главным критериям – принадлежности «Руской Церкви»/ «русской вере» и пользованию «русским языком». К примеру, «и понял Кгинвил доч у великого князя Бориса тверскаго именем Марию, и ея для *крестился в рускую вѢру* <...> *И будучи ему русином*, был велми набожен» [Евреиновская летопись]; «а Гинвил, яко младший, Полоцкое князство взял з удѢлу <...> понял в стан малженский Марию, дочку великого князя Бориса тверскаго, для котрой окрестился *в рускую вѢру*», «...послал им с послами сына своего старшого Войселка в закладѢ, котрый потом *окрестился в рускую вѢру*» [Хроника литовская и жмойтская] и др.

Именно приверженность «русской вере» (=Православию) и качество жизни в ней, а не социальный и/или гражданский статус определяли ценность человека в этой культурной общности. Например, «Мендок, зоставши паном и великим князем литовским и жмойтским, и руским <...> выправил сыновцов своих на звоеване русских князств, Ердвила, Викента и Тевтила, або Феофила. <...> А так тыи три братия княжата литовские <...> угрунтовалися в преречоных панствах, и закон и *вѢру христианскую рускую* приняли, *абы тым зичливших собѢ подданных з[ъ]еднали*» [Хроника литовская и жмойтская]; князь В.-К. Острожский, принадлежавший роду, чья древность и слава почитались всеми народами Речи Посполитой, утверждает, что, хотя местные жители и называют его «начальником Православию», сам он считает себя не большим, но *равным каждому, кто «стоит в правоверии»* [Окружное послание, с.100, стлб. 2].

Эндотнонимом этой «многонациональной» (в современном понимании) общности было понятие «русь». Языком этой общности был «русский язык». Известно, что именно язык письменности и язык общения являются важнейшими факторами нацио- культуростроительства. И поскольку, по весьма распространенному мнению, язык и письменность белорусов сохранялись и развивались в униатской среде, то достаточно рассмотреть, как в действительности обстояло дело с русским языком и письменностью на нем в период унии (1596–1839) и каковы были последствия этого «дела», чтобы выявить истинную роль униатства в белорусском культурогенезе.

«Русский язык», который в означенную эпоху был языком православных граждан Речи Посполитой, называли еще «свойственным», то есть своим, собственным, исконным языком русинов, а также – «простой мовой», которую не следует отождествлять с разговорным языком. «Простая мова» (в противоположность «словенской», сакральной) – это *письменный*, а значит, определенным образом нормированный язык, понимание которого и

пользование которым требует и определенной образованности, и некоторого навыка. Известно, что в православных братских школах ему специально обучали: к примеру, в королевской жалованной уставной грамоте (1589 г.) о дозволении православным виленцам иметь при Свято-Троицком храме братство со «шпиталем», «друкарней», «школой», читаем: «в школе братской... языка и писма руского, греческого, латинского и польского накладом брацким... учити повинны» (АЗР. Т. 4. N 18. То же: Литовская Метрика. Кн. LXXIII. Л. 459 – 460). В реформированной арх. Леонтием (Карповичем) пятиклассной школе при виленском Свято-Духовом церковном братстве «в трех (классах.–Л.Л.) латинская наука... чтется, в четвертом – руская, пятое во славянскаго и греческаго языка наказанье». (АИЗР. Т. 4. N 217 от 21 янв. 1619 г.)

«Простая мова» русинов отличалась от их разговорного языка в той же мере, как и нынешний письменный белорусский литературный язык – от его устно-разговорного варианта.

«Руский» и «славенский» (=церковнославянский язык местного извода) в этой культурной общности тесно взаимодействовали (поскольку были генетически связаны и не утратили некоторых общих черт как в лексическом, так и в грамматическом плане). Именно в культуре православных дольше всего, на мой взгляд, продержалась ситуация, определяемая как диглоссия («русско»-«славенская»), при которой два родственных языка сосуществовали в различных функциональных сферах в отношениях взаимодополнения, маркируя, скажем так, разные узусы письменной речи: «руский» в разных своих вариантах обслуживал деловой (=канцелярский), активно формирующиеся научный (в том числе богословский) и светский, то есть являлся маркером «низкого» и «среднего» (в традиционной классификации) языковых стилей; «славенский» использовался как сакральный богослужебный, являясь вместе с тем одним из маркеров «высокого» стиля в иных узусах [ср. Вэкслер 2004:35].

О том, что языковое положение было именно таково, свидетельствуют, в частности, школьные учебники, изданные в православной среде: «Иоанна Дамаскина о осми частех слова, елика пишем и глаголем» (Вильно, 1586); «Адельфотес. Грамматика доброглаголивого еллинославенского языка...» (Львов, 1591); «Грамматика словенска» Лаврентия Зизания (Вильно, 1596); «Наука ку читаню и розумению писма словенского» – «Азбука» братьев Зизаниев (Вильно 1596); «Часовник, в немже напреди азбуки к научению детем, хотящим розумети Писание» (Вильно, 1596); Грамматика Мелетия Смотрицкого (Вильна, 1619), которую, вместе с «Арифметикой» Магницкого Ломоносов называл «вратами своей учености»; знаменитый «Букварь» Спиридона Соболя (Тип. Кутеинск. м-ря, 1631), другие многочисленные буквари и азбуки и т.д.

Заметим при этом, что все переводы Св. Писания на «руский език» – а их было немало и в до- и в униатскую эпоху – во-первых, были сделаны не с

церковнославянского языка (а с чешского, польского, еврейского, латинского) [см., напр., Карский 2007:21–41]; во-вторых, не получили широкого распространения в православной культурной общности Речи Посполитой [см., напр., Клімаў 2007:13–16], в отличие от издания Острожской Библии (1581–1582), в которой представлен как раз местный извод «словенского» языка.

Проповеди в православных церквях обыкновенно произносились на «русском», «свойственном» языке (хотя сейчас чрезвычайно широко распространено ошибочное представление о том, что языком православной проповеди был церковнославянский), но цитаты из Св. Писания и отцов Церкви могли приводиться как по-«словенски», с обязательным последующим объяснением их по-«русски», так и в переводе на «русский язык», с обязательной маргинальной отсылкой к «словенскому» оригиналу. О такого рода практике можно судить, к примеру, по сохранившимся архиерейским посланиям; по переписке кн. В.-К.К. Острожского; по изданным произведениям клирика Острожского Василия, Стефана и Лаврентия Зизаниев, преп. Леонтия Виленского (Карповича), Ивана Вышенского, Лазаря Барановича и др.

Произведения «русинов» (=православных), написанные на «несвойственном» языке, начинают активно появляться как раз в период униальной полемики: «Казанье Кирилла Иерусалимского» Ст. Зизания (1596); «Гармония» Ипатя Потя (1608), «О тайнах церьковных» Иосифа Рутского (1608) и др. изданы на двух языках – «русском» и польском; «Фринос» Максима Смотрицкого (1610) – на польском (в титуле указано, что произведение переведено якобы сначала с греческого на «словенский», а уже с него -- на польский, но ни греческий, ни «словенский» варианты этого текста науке неизвестны).

Таким образом, не правильнее ли полагать, что именно церковная уния 1596 г. спровоцировала употребление русинами польского (а позже и латинского) языков в тех ситуациях (сферы богословия, церковной проповеди, катехизации) когда до унии обычно употреблялся «русский язык»: Мелетий Смотрицкий (ок. 1578–1633), перейдя в унию, начинает писать только по-польски; полемисты и той и другой стороны активно используют польский язык; униатские богословы пользуются польским и латынью; Симеон Полоцкий (1629–1680) в свой полоцкий, нужно полагать – базилианский, период творчества пишет преимущественно на польском языке; «русским» же и «словенским» языками (с заметной примесью польского) пользуется, желая быть понятным москвитам – епископу Каллисту, присланному на Полоцкую кафедру патр. Никоном; Московскому царю, царевне, царевичу и т.д. (однако записывает свои вирши, как правило, латиницей).

В целом, языковой состав базилианских книжных собраний (а базилианский орден, как известно, являлся основным орудием распространения унии на землях исторической Руси) был польско-латинским [ср. Папоў 2004:22]. К примеру,

С. Морозова, исследовав состав книг в библиотеках трех базилианских монастырей, выяснила, что в них доминируют издания европейской печати [см. Морозова 2001:116] – разумеется, некириллические. К примеру, библиотека Супрасльского монастыря в первой половине XVII века (то есть через три десятилетия пребывания его в унии), по подсчетам Л.Л. Щавинской, на две трети состояла из латинографичных книг (более половины из них были на латыни, остальные на польском языке) [Щавинская 2011:142]. Библиотека Жировичского монастыря к 1828 г. (то есть пробыв к тому времени в унии около 220 лет), по данным И. Юркевича, «состояла преимущественно из отцов Церкви, латинских классических писателей, схоластиков средних веков и польских авторов» при том, что книг на «руськом» и «словенском» языках в ней почти не было [Юркевич 1869:1418].

Чем объяснить эти и многие другие факты? Вероятнее всего, тем, что *униатам более «свойственными» были польский и латинский языки.* Действительно, в последних исследованиях все чаще отмечается «неизбежно проходивший процесс латинизации богослужения в униатской церкви... Основным письменным языком не только у базилиан, но и у белого униатского духовенства довольно быстро стал польский и отчасти латинский» [Лабынцев 2011:67]. Подтверждением тому являются следующие факты: «на протяжении почти всего XVII в. в типографии (Свято-Троицкого виленского монастыря, переданного в 1608 г. униатам.–Л.Л.) печатались только книги на латинице» [Корзо 2007:416]. Из кириллических свято-троицких изданий до 1767 г. известны лишь два: «Наука яко вѣрити маєт ка(ж)дый...» (1628 г.), «Служебник, или Литургикон (1692) [Корзо 2007:416]. А, к примеру, *миссионерских кириллических катехизисов* униатского происхождения почти не сохранилось – они были в основном польскоязычными [Корзо 2007:467]. Немногие дошедшие до нас печатались в Почаеве и Супрасле и предназначались, в основном, для тех епархий, которые приняли унию позднее – на рубеже XVII–XVIII вв. [см. Корзо 2007:470], в связи с чем там гораздо дольше в качестве сакрального и богослужебного языка сохранялся «славенский», а языком проповеди оставался «русский». В тех же епархиях, что приняли унию ранее, языком обучения, проповеди и катехизации стал к этому времени польский. Например, базилианам основанного в 1764 г. Уманского монастыря нравственное богословие даже предписано было учить на польском, а не на «руськом» языке [см. Корзо 2007:457]. Всякого рода инструкции и пособия для приходского униатского духовенства издавались на польском и латинском языках (на «руськом» – редко) [см. Корзо 2007:451, 452, 454 и др.]. Молитвы и песнопения, предназначенные для заучивания «простаками»-русинами, «простѣйшѣм народом», как и поучения, адресованные им, если и записывались

на их «свойственном», то есть «русском», языке, то не кириллицей, а латиницей [см. Корзо 2007:455, 463, 465].

Возникает вопрос: почему? Видимо, потому, что *униатские священники уже не могли свободно читать кириллический текст*. «Возникли серьезные проблемы со знанием церковнославянского языка во всей униатской церкви в целом... У базилиан и отчасти белого духовенства возник своеобразный письменный и даже разговорный макаронический язык, на котором произносились проповеди, в том числе и для простого люда» [Лабынцев 2011:67]. Об этом красноречиво свидетельствуют сами униатские иерархи.

Известно, что Иосафат Кунцевич в своих «Правилах для священников» предписывал им «кгда тежь читают Евангеліе, албо какую молитву в голос... не мают выкладать словенских слов по-руску...», а «учите(л)ное Ева(н)геліе або житіе с(вя)ты(х)», читать и истолковывать «по ру(с)ку» с амвона [см. Нікалаеў 1993:57; Корзо 2007:450]. Постановление знаменитого Замойского собора (1720) также предписывает униатским священникам «наученіе пароховъ свойственнымъ языкомъ» [цит. по Корзо 2007:438].

Ничего подобно не находим в православной среде. Но отсутствие здесь мероприятий в защиту «славянского» и «русского» языков означает лишь то, что таковой защиты не требовалось. Действительно, какой же смысл предписывать православным иереям литургисать по-«словенски», а народ поучать по-«русски», если они и без того служили по-«словенски» и проповедовали на местном наречии? Следовательно, настойчивые предписания такого рода, адресованные униатским священнослужителям, свидетельствуют именно о том, что «словенский» и «русский» языки вытеснялись из богослужебной, пастырской и катехитической практики униатов, не смотря на все предписания их духовных властей.

Результат не заставил себя ждать. Уже в 1722 г. в Супрасле отдельной брошюрой и потом как приложение ко многим изданиям катехитического характера публикуется составленный униатским митр. Львом Кишкой двуязычный церковнославянско-польский «Лексікон, сирѣчь словесник славенский» [Кніга Беларусі, № 203], содержащий основную богослужебную терминологию и предназначенный для униатского духовенства, уже не владеющего «словенским» языком в мере, достаточной для исполнения священнического служения. В предисловии к «Лексикону» униатский митрополит весьма красноречиво признается: «...яко сотный іерей едва славенскій разумѣть языкъ (иначе говоря, среди униатских священников к первой четверти XVIII в. в среднем лишь один из ста «едва разумел» церковнославянский язык.—Л.Л.), не вѣдѣй, что чтеть въ Б(о)жестве(н)ной Службе съ погибеліею своя и порученныхъ паствѣ его... Сіе же все искусно

бысть текущаго году, и мнози о(т)риновенни о(т) рукоположенія на іерейство сея ради вины... (то есть по этой причине не допущены к иерейской хиротонии. – Л.Л.)» [л. 1 б; цит. по Корзо 2007:444]. А, к примеру, в библиотеке им. Франциска Скорины в Лондоне хранится экземпляр униатского издания «Службы св. Иоанна Златоустого» XVII в., выполненного на церковнославянском и латинском языках [Нікалаеў 1993:49] – видимо, для лучшего понимания текстов службы униатскими священнослужителями, не владеющими «словенским».

Таким образом, именно униатские священнослужители, а не «простой народ русский» скоро забыли не только «славенский»/ церковнославянский, но в известной степени – даже и «свойственный русский» языки, или же сознательно отказались от них.

Утверждение, что в униатском богослужении сохранялся «свойственный» язык «русинов» -- основа будущего белорусского, а не «непонятный народу церковнославянский», также не соответствует действительности. Официально языком богослужения в униатской церкви оставался церковнославянский с теми же характерными местными (то есть земель ВКЛ) особенностями, что и в православных богослужебных книгах¹. К примеру, в униатском «Лейтургиконе си сут служебнике» (Вильно, 1692), под 15-м сентября находим память Иосафата Кунцевича: «Въ тойже день празднуем блаженнаго священномученика Иосафата архиепископа Полоцкаго». Далее следуют традиционные тропарь и кондаки. В тропаре, в частности, поется: «Светилник светлый явися, священномучениче Иосафате, яко убо пастыр добрый положил еси душу свою за овца, от распрюлюбных врагов' убіен еси и вышел еси въ Святаия Святыя, съ безплотными водворяся. Темь ты молим, многострадалне, моли Пастырем Началника Христа, нас' причтати деснаго овец стоянія и спасти душа наша» (л. 136)... До начала XVIII в., униаты «практически повсеместно служили по книгам православной редакции» [Лабынцев 2011:67].

Еще одним весьма показательным фактом, позволяющим адекватно оценить роль униатства в сохранении и развитии исконных традиций культурной общности «русинов», является то, что культура «руси» за эпоху унии почти что полностью утратила письменные свидетельства почитания местных православных святых. Из всего воссозданного в 1984 г. Собора белорусских святых периодически – но нечасто – в униатских богослужебных книгах (служебниках, минеях, святцах и т.п.) встречается – по понятным причинам – лишь память Трех Виленских мучеников. В белорусских списках отсутствует Житие св. Кирилла Туровского [см. Рэлігійнае пісьменства 2013, с. 620]; Житие

---

¹ Известно также, что ближе к концу XVII в. часть базилиан испросила у Рима разрешение служить на латинском языке [Лабынцев 2011:67].

преп. Евфросинии Полоцкой представлено всего тремя списками, самый старший из которых относится к первой четверти XVI в. (БАН Лит. F 19, Пролог № 98) и представляет собой переработку-сокращение одного из вариантов редакции сборников, созданной в Московской Руси [см. Ярмоленка 2010].

Как это могло случиться, отвечает отчасти автор «Перестороги» (1606?), указывая на целенаправленное и систематическое изъятие из обращения церковнославянских книг: «В самом Кракове корунном и в костелах римских книг словенских великими склепами знайдешь замкнених, которых въ свет не выпустят; также есть во Львове у мнихов-домиников склеп великий книг наших словенских учителных до купы възнесенных». «Множество старославянских памятников, – констатировал П. Бобровский, – было уничтожено иезуитами, а после Брестского собора 1596 г. – их последователями, василианами» [Бобровский 1887:277].

Вместе с тем во второй пол. XVII – XVIII вв. широкое распространение в Речи Посполитой получают разного рода произведения, отражающие почитание униатского мч. Иосафата Куцевича [см. Белоруссия в печати XVII столетия, № 425; 429; 436; 437 и др.]. А вот памяти и жития местных древнейших православных святых сохранились, лишь благодаря тиражированию их в книжности Северо-Восточной Руси, Московского государства. И только в эпоху, которая обычно характеризуется как период «русификации» белорусских земель, почитание местных святых постепенно возвращается в отечественную культуру. Так, «Западно-Русский месяцеслов на 1865 год» (Вильно: тип. Губернского правления, 1864. – 105 с.), кроме свв. Антония, Иоанна и Евстафия Виленских, приводит памяти: св. Кирилла Туровского; преп. Евфросинии Полоцкой; преп. Аврамия Галицкого; прп. Аврамия Смоленского; св. кнн. Феодора, Давида и Константина; мчц. Харитины; мч. Меркурия Смоленского.

Чем закончился этот инициированный принятием унии процесс расподобления и последующих полонизации и латинизации русинской культуры в Речи Посполитой, известно – в 1696 г. языком деловой письменности (то есть фактически – государственным языком) объявляется польский. А рускоязычной неделовой письменности в это время у русинов уже почти не осталось: историография, беллетристика, драматургия и поэзия знают почти исключительно польский (или – как варианты – макаронический польско-«русский», записанный в абсолютном большинстве случаев латиницей), либо латинский языки. Эту культурную катастрофу отражают, в частности, данные каталога «Кніга Беларусі»: со второй четверти XVII в. и до 1772–1795 гг. (то есть до времени объединения нынешних белорусских земель с Россией) вышедшие на территории современной Беларуси кириллические издания, отражающие местный извод церковнославянского языка и «свойственный, русский език», имели церковно-литургическое и катехитическое содержание и были выпущены,

в основном, в православных братских типографиях; дольше всех из них продержались типографии Кутеинского и Могилевского православных братств. Униатские кириллические издания богослужебного и катехитического содержания (об их характере см. выше) на непродолжительное время активизируются после Замойского собора в Супрасльском монастыре со времени нахождения на митрополичьем престоле Льва Кишки и позже [Кніга Беларусі, №№ 201–205, 207, 209, 213, 214, 218, 219 и др.] и в Свято-Троицком Виленском монастыре с 1767 г. [Кніга Беларусі, №№ 242–246, 254, 255, 257 и др.]. Затем, вплоть до начала XX в. (!) какие-либо кириллические издания, имеющие местные языковые особенности неизвестны. И лишь в начале XX в. (1906 г.) [см. Кніга Беларусі, № 1, с. 206] появляются в печати отдельные светские кириллические издания (наряду с заметно большим количеством латинографичных [см. Кніга Беларусі, №№ 4, 12, 13, 17, 19–22, 23–24, 25, 26, 31 и др. со стр. 206 и дал.]) уже на новом белорусском языке, отстоящем, таким образом, от живой традиции письменно-литературного употребления «русского свойственного езика» более чем на столетие. Это значит, что минимум четыре поколения носителей этого языка не пользовались его письменно-литературным вариантом.

Очевидно, таким образом, что распространение унии и происходившая в униатской среде полонизация и латинизация культуры русинов в Речи Посполитой стала причиной *угасания и «обрыва»* традиций исконной на этих землях православной культуры, а никак не фактором ее сохранения и развития. Согласно известному культурологическому закону, «если в ходе культурных контактов создается соединение двух совместимых иерархий кодов, то мы получаем новый культурный тип. Если же сталкиваются два несовместимых кода – происходит взаимное разрушение: культура теряет свой язык” [Лотман 2002:59]. Так что именно в эпоху унии и под воздействием униатства традиционный культуротворческая парадигма общности русинов ВКЛ была серьезно – думается даже, что невосстановимо – повреждена и заменена иной, той, которая, подвергшись после воссоединения униатов с православными в 1839 г. корректирующему воздействию восточнорусского православия, и легла в основу дальнейшего белорусского культурогенеза.

Библиография

Белоруссия в печати XVII столетия. Библиогр. указ. на иностр. яз. Сост. М.А. Василевская. – Минск, 1985. – 84 с. – В надзаг.: Гос. б-ка им. В.И. Ленина.

Бобровский, П. Судьба Супрасльской рукописи / П. Бобровский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1887. – № 10.

Вэкслер, Пол. Гістарычная фаналогія беларускай мовы : Пер. з англ. / Пол Вэкслер ; [Прадм. Г.Цыхуна]. – Мінск : Логвінаў, 2004. – 254 с.

Евреиновская летопись // Западнорусские летописи // Полное собрание русских летописей. Изд. 1-е. – Т. XVII – СПб., 1907. – [Электронный ресурс] / Изборник. - Режим доступа: <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov27.htm> . - Дата доступа: 17.02.2019.

Карский, Е.Ф. Белорусы / Е.Ф. Карский: В 3 томах. – Т. 3: Очерки словесности белорусского племени. Кн. 2. – Минск: «Бел. Энцикл.», 2007 – 704 с.

Клімаў, І. Гісторыя старабеларускіх перакладаў Бібліі / Ігар Клімаў // Роднае слова. – 2007. – № 11. – С. 13–16.

Кніга Беларусі 1517–1917: Зводны каталог / Дзярж. б-ка БССР імя У.І.Леніна, БелСЭ; Склад. Г.Я.Галенчанка і інш. – Мінск: БелСЭ, 1986 – 615 с., 12 л.іл.

Корзо, М.А. Украинская и белорусская катехитическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований / Корзо Маргарита. – Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 672 с.: 5 ил.

Лабынцев, Ю.А. Из последних поборников “старой Руси” / Ю.А. Лабынцев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. -- 2011. -- № 3(45) -- С. 67--68.

Лотман, Ю.М. История и типология русской культуры : Сборник / Ю.М.Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2002. — 765 с.

Марозава, С. Уніяцкая царква ў культурна-гістарычным развіцці Беларусі (1596–1839 гг.) / С.В. Марозава. – Гродна: Гродненскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, 2001. – 352 с.

Нікалаеў, М. Палата кнігапісная: рукапісная кніга на Беларусі ў X–XVIII стагоддзях / Мікола Нікалаеў / Рэд. М.М. Розаў, А.С. Мыльнікаў. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 293 с., іл.

Окружное послание Киевского воеводы князя К. Острожского православному духовенству и мирянам в королевстве Польском Великом княжестве Литовском с убеждением их твердо стоять в православной вере и не обольщаться нововымышленною униєю, от 24 июля 1595 г. // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. – Т.4: 1588-1632. – № 71. – СПб., 1851. – С. 99–104; то же (в пер. на дррус. яз.): (Книга Кириллова). – Гродно, 1786. – л. 494–500 б.

Папоў, В.В. Нарыс гісторыі бібліятэкі Жыровіцкага Свята-Успенскага манастыра / В.В. Папоў; Дыпломная праца па гісторыі Беларускай Праваслаўнай Царквы. – МДС, 2004. – 85 с.

Рэлігійнае пісьменства кірылічнай традыцыі XI–XV стст. / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., філ. «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы»; уклад., прадм., камент., указ.-давед. ім. Л. В. Ляўшун. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 719 с. – (Помнікі даўняга пісьменства Беларусі).

Хроника литовская и жмойтская [Электронный ресурс] / Изборник. - Режим доступа: <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov02.htm> - Дата доступа: 17.02.2019.

Щавинская, Л.Л. Латинографичная книжность в белорусской униатской монастырской среде в первой половине XVII в. / Л.Л. Щавинская // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. -- 2011. -- № 3(45) -- С. 142.

Юркевич, И. Библиотека Литовской православной семинарии / И. Юркевич // Литовские епархиальные ведомости – № 24. – 1869. – С. 1418–1428.

Ярмоленка, Э.В. Пролажнае “Жыццё Еўфрасінні Полацкай” (БАН Літ., Пролаг, сакавік–май, Ф. 19–98) : структура і моўныя асаблівасці // Матэр. III Міжнар. навук. канф. “Сімяон Полацкі : светапогляд, грамадска-палітычная і літаратурная дзейнасць (да 380-годдзя з дня нараджэння). – Полацк, 2010. – С. 217–222.